

Павел Буланже

Жизнь и учение Конфуция

«Public Domain»

1903

Буланже П. А.

Жизнь и учение Конфуция / П. А. Буланже — «Public Domain», 1903

«Прежде чем начать перевод священных книг китайцев, является чрезвычайно необходимым сделать довольно большое отступление. Вообще говоря, мы не избалованы исследованиями о жизни восточно-азиатских, африканских, полинезийских народов. Те несколько сочинений путешественников, купцов, военных, которые мы имеем, большей частью трактуют обо всех внешних явлениях жизни народа, которые бывают доступны беглому обзору путешественника и не касаются внутренней жизни страны, ее духовной культуры. Последняя обыкновенно остается чуждой и непонятной им, да и не мудрено: чтобы понять ее, надо войти в духовные интересы народа, надо жить ими, проникнуться ими, надо хотя бы несколько отрешиться от своего мировоззрения, а в особенности от того кичливого мировоззрения, с которым так привык относиться европеец к народам другой, чем он, расы...»

© Буланже П. А., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

Введение	5
Жизнь Конфуция	18
Предки Конфуция	18
От рождения Конфуция до занятия им первой общественной должности (551–531 годы до н. э.)	20
Начало трудов Конфуция как учителя. Смерть его матери (530– 526 годы до н. э.)	22
Конфуций изучает музыку, посещает двор Чжоу и возвращается в Лу (526–517 годы до н. э.)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел Буланже

Жизнь и учение Конфуция

Введение

Прежде чем начать перевод священных книг китайцев, является чрезвычайно необходимым сделать довольно большое отступление.

Вообще говоря, мы не избалованы исследованиями о жизни восточно-азиатских, африканских, полинезийских народов. Те несколько сочинений путешественников, купцов, военных, которые мы имеем, большей частью трактуют обо всех внешних явлениях жизни народа, которые бывают доступны беглому обзору путешественника и не касаются внутренней жизни страны, ее духовной культуры. Последняя обыкновенно остается чуждой и непонятной им, да и не мудрено: чтобы понять ее, надо войти в духовные интересы народа, надо жить ими, проникнуться ими, надо хотя бы несколько отрешиться от своего мировоззрения, а в особенности от того кичливого мировоззрения, с которым так привык относиться европеец к народам другой, чем он, расы. Но обыкновенно этого не случается, и чуждый нам народ делается известным и характерным для нас только своею внешностью. Мы запечатлеваем чудесные пагоды, странную для нас архитектуру, отсутствие или присутствие идолов, длинные косы у мужчин, маленькие ноги у женщин и т. п. Мы знаем, что китайцы, например, исповедуют конфуцианскую, даосскую и буддийскую религии, и вполне удовлетворяемся этим. Мы даже имеем переводы на своих европейских языках их священных книг, но и к ним относимся большей частью как к чему-то курьезному, часто детскому или некультурному лепету находящегося на низшей ступени развития народа. Мы знаем, что нет нигде лучшей культуры, лучшей науки, лучшей религии, чем у нас, и потому нам и в голову не приходит, что те принципы жизни других народов, которыми они живут, могут быть нисколько не ниже тех, которыми мы живем.

Как это ни странно, но мы не останавливаемся на исследовании религиозной жизни народа, к исследованию жизни народа мы применяем другие, выработанные «наукой» нашей методы. Правда, в них входит и рассмотрение религии народа, но с особой точки зрения.

Исследованы обряды, церемонии, идолы, а дух религии, то, чем живет народ, осталось вне исследования. Но мало этого. Когда за исследование религии брались «специалисты» этого дела (миссионеры, иезуиты), которые положили па эти исследования много труда, то и тогда выходила из этого исследования не польза, а один вред. Миссионеры в своих переводах искажали священные книги, подгоняя их к своим целям.

Происходившая недавно война с Китаем заставила европейский мир пристальнее взглянуть на жизнь этой огромной страны. Ближайшее знакомство с ней породило целую литературу о Китае, перечитывая которую нельзя не дивиться тем противоречивым отзывам, которые сыпятся со стороны военных, купцов, миссионеров. Одни в восторге от выносливости, трудолюбия народа, другие с презрением рассказывают о его незлобии, трусости, непригодности к военным действиям, третьи с ужасом останавливаются на том, как легко китайцы казнят друг друга и как спокойно относятся к переходу в иной мир и т. п. И остановиться на каком-либо взгляде нет возможности, тем более что фельетонные статьи стараются нанизать как можно больше явлений.

Человеку, желающему ознакомиться с духом народа, остается все-таки один путь — пойти к его священным книгам, обратиться к тем хотя бы и отрывочным сведениям, которые даются о жизни его лицами, жившими там и характеризующими жизнь народа в осно-

вах усвоенного нами из его священных книг миропонимания, и постараться, уяснив себе то жизнепонимание, которое есть у народа, по его священным книгам, понять его жизнь.

Когда мы читаем какие-нибудь философские трактаты или религиозные учения европейцев и вообще нашего так называемого «цивилизованного мира», то мы не можем отнестись к ним критически, как бы извне: мы можем с ними соглашаться или не соглашаться, но они нам понятны; когда же мы беремся за чтение священных книг китайцев, то первое впечатление, с которым нам приходится встречаться, это совершенная чуждость и непонятность выражений, построения фразы и всего того, что, очевидно, интересует китайца. Эта чуждость, вероятно, и создала то, что, несмотря на многовековые сношения европейцев с китайцами, до сих пор и страна эта, и ее литература, наука и философия остаются для нас почти неисследованными, за исключением нескольких книг на французском и английском языках, причем писатели этих книг не всегда беспристрастно относятся к этому народу¹. Но этого мало. Оказывается, с литературой китайцев довольно трудно знакомиться как ввиду трудности этого языка, так и ввиду того, что пишут они идеографически² или синтетически, тогда как наша письменность буквенная или аналитическая. По мнению таких знатоков Китая, как Симон, «есть такие сочинения, что для надлежащего их перевода недостаточно знать язык, на котором они написаны, необходимо обладать, кроме того, известными предварительными сведениями, а также большой независимостью ума и характера. А все эти качества вместе не всегда встречаются и у переводчиков-специалистов» (с. 174). Ввиду этого мы и имеем так мало переводов и сочинений, из которых мы могли бы почерпнуть более или обстоятельное знакомство с Китаем. Но мало и этого. Лицами, способствовавшими нашему знакомству с Китаем, были главным образом купцы и миссионеры. К сожалению, между исследованиями о Китае почти не встречается обстоятельных и обширных трактатов, написанных купцами. Все, что мы имеем, большей частью принадлежит миссионерам, бывшим в Китае. Им мы обязаны первыми описаниями жизни Китая и первыми переводами его священных книг. Но люди эти, через которых мы имеем почти единственную возможность знакомства с Китаем и его религией, до такой степени были проникнуты своим религиозным фанатизмом (мы говорим главным образом о миссионерах иезуитах), что, не говоря о той трудности перевода, о которой мы упоминали выше, они, нисколько не стесняясь, позволяли себе его искажать. Вот что по этому поводу пишет тот же обстоятельный исследователь Китая Симон. «Некоторые из миссионеров не довольствуются изменением очевидного смысла какого-нибудь из древних китайских символов. Примером этого может служить перевод И-цзин – главной и основной священной китайской книги, сделанный в прошлом столетии иезуитским патером Регисом. Достопочтенный патер не только перевел И-цзин, но признал также неудобными комментарии, сделанные в этой книге Конфуцием. Он просто-напросто заменил их своими собственными»³. Легко поэтому видеть, что при таких условиях познакомиться с истинным смыслом китайского учения в высшей степени трудно. Это замечание относится и вообще к религиям. Первоначальная чистота учения основателя

¹ Здесь следует заметить, что в то время как Симон в восторге от китайцев и описывает их жизнь такими привлекательными красками, невольно возбуждая подозрение в односторонности, пристрастии к любимому народу, другие поступают наоборот. Наш русский ученый проф. Васильев описывает китайцев довольно черными красками; не стесняется в этом отношении и Георгиевский, написавший интересную и обстоятельную книгу «Принципы жизни Китая». Страдает таким же пристрастным отношением и ортодоксальный английский ученый, бывший миссионер Легг. При первом издании своего сочинения о Конфуции и китайцах он отнесся к ним слишком пристрастно, несправедливо. Следует отметить, что впоследствии он изменил свой взгляд. Так например, в первом издании он пишет о Конфуции: «После долгого изучения характера его и мнений я не могу почитать его за великого человека». В оксфордском же издании 1893 года он пишет: «Чем больше я изучаю характер и суждения Конфуция, тем более я начинаю его уважать. Действительно, он был великий человек».

² Идеографическое письмо состоит в том, что целые понятия изображаются одним знаком.

³ Но здесь следует заметить, что один из первых миссионеров, иезуит Риччи, в 1581 году пользовавшийся успехом в Китае, сам был обращен в конфуцианство (Мюллер М. Религии Китая).

религии до такой степени обыкновенно затемняется последователями и лжетолкователями, что до нас доходит большей частью учение в искаженном виде. Здесь же, кроме этих условий, для иностранцев китайское учение было предлагаемо в искаженном переводе. Затем мешает нам знакомиться с китайской жизнью также и то, что у китайцев сформировался совершенно определенный, оригинальный уклад жизни и мировоззрение, резко отличающиеся от наших. Произошло это оттого, что, насколько можно судить, китайцам чуждо то понятие прогресса, эволюции, которым мы так гордимся, а, остановившись на известной религиозной системе, они с твердостью и последовательностью, удивительными для нас, проводят принципы свои в жизнь, и вся их общественная, экономическая и научная жизнь является лишь следствием такого их религиозного верования. Таким образом, религиозные учения являются у китайца основой жизни, и вот почему, как мы увидим ниже, их мудрецы в своих религиозных учениях занимались вопросами государственного правления и т. п.

Вот что говорит Георгиевский в книге «Принципы жизни Китая»: «Сознавая силу европейской позитивной науки, китайцы, поскольку им приходится видеть европейцев у себя дома или вне своей родины, в то же время сознают, что действительная жизнь последних не обосновывается на твердых принципах, что идеал не воплощается в реальности, что дела все чаще противоречат словам. Честность, гуманность, любовь ко всем людям, справедливость (понимаемую не только как легальную), преданность отечеству, супружескую верность, необходимость солидной семейственности, уважение к женщине и т. п. европеец всегда готов проповедовать звонкими фразами, а не примером своей собственной жизни, в которой весьма не часто проявляет альтруизм, обуздание животных наклонностей и подчинение воли указанному религией или выработанному разумом принципу. И потому китаец видит в европейце существо грубое, мало облагороженное гуманностью, притом же существо двуличное, прикрывающее свою внутреннюю грубость высокими идеалами, не осуществленными в действительности, и не только презирает его, но и относится к нему, из чувства самосохранения, враждебно. Вот коренная причина, почему в Китае на европейцев смотрят косо, подозрительно, почему дают им нелестную кличку (ян-гуй-цзы – заморский черт⁴), почему стараются не допускать их на новые места⁵ и вытесняют из тех мест, где они уже поселились⁶, почему находят нужным противодействовать их влиянию путем печати. Чем меньше китаец знает европейца, тем лучше к нему относится (так по крайней мере приходилось нам от многих слышать) и, наоборот, чем ближе знакомится с европейцем, тем более проникается ненавистью и враждебностью к нему. Кто из китайцев имеет всего более дела с европейцами? Конечно, кантонцы: они давно уже торгуют с европейцами в своей собственной провинции; они находятся при европейцах в большей части других городов Китая, являясь в роли факторов, торговцев заморскими товарами, фотографов, портных, содержателей гостиниц, в роли компрадоров и служителей при фирмах и частных домах; они усваивают материальную культуру Запада и пропагандируют ее. А между тем, по заявлению самих европейцев, «кантонцы известны своим буйством и ненавистью по отношению к иностранцам, и европейские фактории не раз были атакуемы разъяренной чернью, которая сдерживалась только силой оружия»».

⁴ Живя в Китае, Георгиевский слышал, между прочим, что кукла, изображающая черта, которого бичуют при совершении особого религиозного обряда, бывает иногда облачаема в европейское платье. Обряд побивания черта в 1882 году совершался в пекинском буддийском монастыре Юн-хэ-гун 2 марта.

⁵ Портовые города Китая открывались для европейской торговли только благодаря успехам военных действий французов или англичан.

⁶ Ненависть китайцев к европейцам всего сильнее обнаружилась во время тянь-цзиньской резни 1870 года. Памятником беспощадного истребления христианских миссионеров до сих пор остаются живописные руины разрушенного католического храма, построенного около того места, где Великий канал сливается с рекой Пэй-хэ. В Ханькоу, насколько мы знаем, китайцы не раз грозились истребить европейцев в их квартале, и в апреле месяце 1883 года, по решению правительства, было казнено 70 человек китайцев, задумавших привести угрозу в исполнение.

Таким образом, нет никаких данных предполагать, что китайцы пойдут с распростертыми объятиями к европейцам и постараются ознакомить их наивернее со своей жизнью. С другой же стороны, такое отчужденное отношение китайцев должно невольно возбуждать в исследователе, в свою очередь, отчуждение, а его диаметрально противоположное отношение к жизни еще более усиливать это чувство.

В то время как Китай, по мнению наших европейских исследователей, застыл в одном положении, мы непрерывно движемся. В то время как общий уклад жизни Китая посвящен всевозможным пустякам, на наш взгляд, как, например, культу предков, церемониям и т. п., мы вырабатываем новые высшие формы жизни. И китайская культура является в наших глазах столь отсталой, столь грубой, близкой к состоянию младенчества и дикарей, что мы совершенно отворачиваемся от нее.

Затем священные книги их написаны таким языком и трактуют о таких предметах, которые мы привыкли считать маловажными, и это обстоятельство также не способствует ознакомлению с ними.

Ввиду всего этого составитель этой книги предчувствует, что даже при внимательном отношении к книге читателя, привыкшего к искреннему и серьезному обсуждению важных жизненных вопросов, оттолкнет от нее то обстоятельство, что наряду с обсуждением наиболее важного говорится о каких-то церемониях или о музыке. Нас может поразить и оттолкнуть неуместность этих рассуждений в разных философских трактатах или религиозных книгах, но при этом мы не будем справедливы. Если мы и встречаемся с наставлениями и правилами о церемониях и музыке, которые могут поселить в нас чувство недоумения и даже презрения к такому народу, который чтит подобное учение, то во всяком случае справедливее было бы воздержаться составлять так скоро свое суждение, приняв во внимание трудности перевода соответствующих выражений с китайского языка. Нам представляется, что совсем иначе было бы, если бы мы могли понять смысл, который придают этим выражениям сами китайцы. Чтобы быть более понятным, позволим себе сравнение. Вообразим себя на время в положении китайцев, которые желали бы изучить наш язык и познакомиться с нашей литературой, наукой, религией и которые отнесли бы к своей задаче вполне серьезно. Мы думаем, что при этом их в высшей степени поразило бы наше слово «любовь». Слово это они прочли бы в романе, где любовник признается в любви своей возлюбленной, прочли бы его в философии, прочли бы его в наших религиозных книгах и проповедях, и слово это, вероятно, повергло бы их в полное удивление и создало бы у них нечто вроде презрения к нам. Если мы в нашей религии пользуемся словом «любовь» в том же смысле, в каком любовник пользуется им для своей возлюбленной, то какое же высокое значение можно было бы придавать нашей религии? Таким образом, китайцу, для того чтобы понять истинный смысл этого нашего выражения, необходимо не ограничиваться только поверхностным знакомством с нашим лексиконом, а довериться серьезному значению для нас нашей религии и нашей философии и проникнуть в истинное значение этого слова.

Но даже если бы китайский язык и был нам неизвестен, тем не менее по смыслу тех книг, которые переведены на европейские языки, мы сами могли бы до некоторой степени представить, что и такие выражения, как церемонии и музыка, которым китайцы придают огромное значение, действительно заслуживают того, чтобы им это значение придавать.

Церемонии – это регламентация известных повседневных поступков человека. На Востоке люди издавна привыкли к почтительному, вежливому обращению друг с другом. Быть может, причиной этому верование их в переселение душ. Буддийская религия, насчитывающая не одну сотню миллионов, если не учит тому же, то все те предрассудки и обычаи, которые вкоренились у верующих, заставляют их верить в ту же необходимость известного обхождения друг с другом. Очевидно, седая древность народов Востока передала им одно и то же наследство, в котором в такой полноте было отказано нам. Но если надо относиться

к человеку ласково, любовно, дружелюбно, не делая ему неприятностей, то можно предусмотреть и те случаи, в которых наши поступки будут неприятны, а отсюда и является кодекс обхождения друг с другом, то есть церемонии.

В особенности основательное начало этому должен был положить соблюдаемый в чрезвычайной строгости у китайцев принцип почитания родителей и старших. Они верят в мудрость древних, старших, у них существует культ предков, а потому естественно существует и такое почтение к родителям и старшим, о котором не могут иметь представления не только у нас, европейцев, но и у соседей китайцев – буддийского Индокитая и Индостана. Насколько сильно это почитание родителей и насколько китайцы остались в этом отношении консервативны, читатель может судить из следующего.

При императоре Цзя-цине (1796–1821) случилось, что в одной из губерний муж в согласии со своею женой убил свою мать. Губернатор провинции донес об этом происшествии в Пекин, и государь, считая наказание, назначаемое законом за убийство родителей, недостаточно сильным, в эдикте своем постановил следующее: место, где случилось происшествие, проклясть и отвести под дорогу; обоих виновных подвергнуть смертной казни; мать жены-преступницы наказать палочными ударами; студентов округа, где случилось убийство, в течение трех лет не допускать до экзаменов; чиновников округа лишить должностей и выслать; дом, в котором жили преступники, разрушить до основания. «Пусть губернатор, – прибавлялось в эдикте, – сделают мое решение известным, оно должно быть доведено до сведения народа по всей империи, и если где-либо найдутся такие отвратительные дети, которые будут противиться своим родителям, причинять им болезни или осмелятся поднять на них руку, то они будут наказаны подобным же образом. Когда ты, народ, будешь знать новое постановление, то отнесись с уважением к воле государя, подчиняйся ей и не смотри на этот эдикт как на пустые слова, так как я твердо решился подобные преступления наказывать так же, как наказал Фан-чжена. От всего моего сердца я убеждаю всякого блюсти за собой; я приказываю правителям всех губерний довести об этом до сведения старшин семейств и деревень и прочитывать мое постановление во второй и шестнадцатый день каждого месяца, чтобы выяснить важность житейских отношений и чтобы никто не восставал против своих родителей, так как я хочу, чтобы народ был проникнут детскими чувствами».

Отношения к родителям, а затем и к старшим, мудрым легли, следовательно, в основу этого кодекса церемоний. Затем отношения к мудрым и старшим повлекли за собой отношение вообще к почтенным людям, выше нас стоящим на общественной лестнице, и т. д., и т. д.

Вот каким образом создались церемонии, то есть кодекс обхождения друг с другом. Они глубоко вкоренились в китайский народ, и всегда китайцы поражают европейцев своей ласковостью и обходительностью. И потому, если читатель и не согласится с принципом церемоний, то во всяком случае он может отнестись к этому с должной серьезностью, как к тому, что имеет огромное жизненное значение для многих миллионов народа, считающего свою историю тысячелетиями и все время следовавшего этому принципу. В этом отношении наши крестьяне ближе всего подходят к китайцам своею так называемой патриархальностью.

Что касается «музыки», то вот что говорится о ней в разговорах Конфуция: «Если у человека не будет добродетелей, свойственных человечеству, то что для него музыка? (3.3); «Ум образовывается чтением од, характер воспитывается правилами поведения, окончательное же образование дает музыка» (8.8); «Когда Конфуций услышал музыку *шао*, он семь месяцев не мог испытывать вкуса от пищи и говорил: я не думал, чтобы могла быть такая прекрасная музыка, как эта» (7.14); «Конфуций, живя в Учэне, услышал звуки музыки инструментов и пение. Будучи доволен этим, он сказал: «Зачем пользоваться для того, чтобы зарезать курицу, огромным ножом, которым убивают быка?» Цзы Ю отвечал: «Прежде, учи-

тель, я слышал, как ты говорил: когда человек, занимающий высшее положение, образован хорошо, то он любит людей, когда человек в низшем положении хорошо образован, то им легко управлять».

Конфуций сказал своим ученикам: «Ученики мои, слова Ю совершенно верны. Я сказал же свои только в том смысле, что жалко, если музыке, не придавали важного воспитательного значения» (17.4); «Учитель сказал о музыке *шао*, что она в совершенстве прекрасна, так же, как и в совершенстве хороша, возбуждая хорошие чувства. Он сказал о музыке *у*, что она была также в совершенстве прекрасна, но не в такой же степени хороша (3.25). – Мелодия и чувства (см. примечания к этому у Легга).

Конфуций, давая поучение главному учителю музыки в Лу, сказал: «Как играть – можно узнать. В начале песни все части должны звучать вместе. Когда музыка продолжается, все должно быть в гармонии, и хотя и должны выделяться особенные звуки, но они не должны нарушать гармонии; и так до самого конца» (3.23).

Конфуций говорит: «Только когда я вернулся из Вэй в Лу, была преобразована музыка, и тогда только отрывки правильных од и хвалебных песен нашли свое место» (11.13); «Все это требуется приличиями, говорят. Разве все эти платья и шапки требуются приличиями? Это требуется музыкой? Разве все эти колокола, трезвон и грохот требуются музыкой?» (17.11).

Этим Конфуций хочет показать, что не одни только звуки определяют музыку, а определяет ее нечто другое – то, чему она служит.

Вот как относится Конфуций к музыке. Очевидно, музыке придавалось серьезное значение и не только значение в смысле развлечения, но и государственном. Музыка, по убеждениям китайцев, может направлять человека как на хорошие мысли, так и на дурные. И потому надо пользоваться ею осторожно и посвящать ей особое внимание. Обращается внимание и на гармонию, и мелодию, и на чувства, возбуждаемые ею. Музыка входит в кодекс священных книг и преданий, музыка регламентируется поэтому государством.

Быть может, все это для нас и необычно, но во всяком случае это не такие уже пустяки. Достаточно вспомнить тот шум, который был произведен во всей Европе «Крейцеровой сонатой» гр. Л. Н. Толстого, затем припомнить взгляды, выражаемые им об искусстве в его книге «Что такое искусство?», чтобы понять, что китайцы могут иметь основание, придавая такое значение музыке.

Таким образом читатель может видеть, что при всей чуждости для нас китайских понятий они в основаниях своих вовсе не так чужды и глупы, как это может представляться при поверхностном отношении к этому вопросу.

Но еще иначе мы должны думать, если обратимся к исследованию жизни китайцев. Отношение их как к религиозным вопросам, так и к общественным, экономическим и политическим чрезвычайно любопытно в том смысле, что нередко в области практического отношения к жизни китайцы стоят на несравненно высшей ступени, еще не достигнутой нами, еще той, к которой мы, европейцы, стремимся.

Отношение китайцев к различным верам должно поразить нас, европейцев, своей терпимостью. Если могут возразить на это ссылкой на избиение христианских миссионеров, то надо заметить, что избивали их не потому, что они были христианскими миссионерами, а, по единогласному свидетельству всех серьезных исследователей жизни Китая, лишь потому, что христианские миссионеры менее всего занимались своей религиозной миссией, а разными политическими интригами, чем справедливо восстанавливали против себя.

Кроме того, христианские миссионеры несли за собой в Китай меч европейских войск и насилия европейских держав. Трудно думать, чтобы христианство подверглось бы в Китае нетерпимости, в особенности если вспомнить, что, например, в XVI в. к христианству были настолько расположены император и высшие классы, что в Европе стали мечтать об обраще-

нии всего Китая в христианство. Так что возражение о гонениях христианских миссионеров едва ли должно иметь место. Но помимо этого в Китае с очень давних пор уживаются три господствующие в нем религии: конфуцианство, буддизм и даосизм, не говоря уже о бесчисленных сектах, тогда как мы этого до сих пор не можем сказать про жизнь европейских народов.

Переходя затем к одной из религий китайцев – конфуцианской, следует заметить, что Конфуций никогда не касается таких вопросов, как создание мира, конец мира и т. п. Его никогда не беспокоил вопрос о происхождении человека, никогда не пробовал он искать того, что будет с человеком потом. Его не затрагивала ни физика, ни метафизика. Вот каково свидетельство «разговоров» по поводу предметов его учения. «Наиболее частыми темами его разговоров были книга поэзии, книга истории и поддержание правил благочиния». «Он учил наукам, этике, преданности своей душе, правдивости». «Не любил же он рассказывать о необычайных вещах, о какой-нибудь необычайной силе, о каких-нибудь беспорядках, о духовных существах и т. п.»

В сведениях о его жизни мы не находим никаких рассказов о необычайных откровениях, о сверхъестественных видениях и т. п., и английский переводчик его Легг поражается его практическим умом и глубоко сожалеет о том, что он не был просвещен светом христианского учения.

Такая отличительная черта конфуцианской веры заставляла ученых поднимать вопрос о том, был ли Конфуций новатором веры в Китае, то есть он ли ввел религию, в которой все как бы проникнуто практичностью, где отсутствуют столь свойственные другим народам представления о духах, сверхъестественных явлениях и т. п., или же его религиозная система была продолжением и естественным следствием учения древних мудрецов. Английские ученые Легг и Гарвиг при этом расходятся в своих взглядах. Первый говорит, что Конфуций не исповедовал веры древних мудрецов. Обосновывает свое мнение на том, что Конфуций ничего не говорит о Боге, тогда как имя это является известным уже в Ши-цзин и Шу-цзин. Ди, или Шан ди, в этих древних книгах является тем личным существом, правящим на небе и на земле, создателем человеческой нравственной природы, правителем среди народа, который ставит у них королей и князей судить людей, вознаграждающий за добро и наказывающий за зло. Конфуций же везде говорит о небе. Действительно, читатель найдет это как в прилагаемом переводе двух классических книг, так и в «Разговорах», – везде он держится той же почвы. «Тот, кто совершает преступление против небес, не имеет никого, кому бы он мог помолиться» («Разговоры», 3: 13). «Увы, – сказал он, – нет никого здесь, кто знает меня». Цзы Гун сказал: «Что вы подразумеваете, говоря, что никто не знает вас?» Он отвечал: «Я не ропщу против небес и не сержусь на людей. Познания мои низки, а проникновение мое подымается высоко. Но существует небо, и небо знает меня» («Разговоры», 16; 37). И ни разу во всех «Разговорах» не дается название тому, что он понимает под небом. Это и заставило Легга считать его не только не религиозным, но совершенно наоборот. Он думает, что Конфуций в значительной степени содействовал тому, что в следующие за ним века поколение за поколением ученых проповедовало в Китае атеизм.

Но подобные обвинения едва ли можно признать основательными. Не только у Конфуция, но и у других философов и основателей религиозных систем на Востоке мы можем встретить такое же отношение к этому вопросу. И не атеизмом следует это объяснять, а тем, что понятие о Боге считалось этими основателями религий и философами столь возвышенным и, с другой стороны, столь свойственным человеческому разумению, что назвать его значило бы, по их мнению, или ложно истолковать или принизить высшее представление до нашего низшего разума.

Вот почему Конфуций употребляет выражения – *небо, небеса*; Лао-цзы – *дао* (путь) и т. п.

В ранние исторические времена в Китае существовало вместе с почитанием других духовных существ, как следствие этого, почитание предков. Конфуций признавал последнее, то есть почитание предков, крайне необходимым, «Он служил мертвым так же, как если бы они были с ним. Он служил духам так же, как если бы духи присутствовали. Он говорил: я смотрю на то, что я не присутствовал при служении предкам, как если бы я не совершал этого служения» («Разговоры», 3: 12). По мнению Легга, Конфуцию надо было бы об этом почитании выразиться яснее и указать людям какие-нибудь принципы, исходя из которых оно было бы основано, то есть он хотел бы вложить Конфуцию учение о переселении душ или учение о загробной жизни, но Конфуций никогда не касался этих вопросов, он всегда избегал их. Цзы Лу спрашивал насчет нашего служения духам умерших, и учитель сказал: «Пока вы неспособны служить людям, как можете вы служить их духам?» Ученик прибавил: «Я осмеливаюсь спрашивать относительно смерти». И на это последовал ответ: «Пока вы не знаете жизни, что толку узнавать про смерть?» («Разговоры», 15: 11).

Еще более поразительным является его разговор с другим учеником, записанный в «Семейных сказаниях». Цзы Гун спрашивал его: «Имеют ли представление мертвые о нашем служении им или же они не имеют никакого представления?» Учитель отвечал: «Если бы я сказал, что мертвые имеют такое представление, то я боюсь, преданные сыны и сознающие свои обязанности внуки претерпели бы известный вред, платя последний долг тем, кто от них уходит. Если бы я сказал, что мертвые не имеют такого представления, то я боюсь, как бы не особенно любящие сыновья не покидали своих родителей без погребения. Вам незачем стремиться узнать, имеют ли об этом представление мертвые или нет. Решительно нет для этого никакой неотлагательной необходимости. Каждый из вас узнает это, поскольку возможно, для себя».

Из того, что Конфуций говорил своим ученикам, что у него не было ничего тайного от них («Разговоры», 7: 23), из того, как он всегда твердо избегал обсуждения этих вопросов, мы должны заключить, что на этот счет у него было совершенно ясное представление о ненужности обсуждения их. Вот в чем, по словам Конфуция, заключалась мудрость. «С полной искренностью исполнять долг свой по отношению к людям, а когда коснется дела духовных существ, то держаться подальше от них, – вот что может быть названо мудростью» («Разговоры», 6: 20). Конфуцию ставят в упрек, что, вместо того чтобы пользоваться фразеологией древних мудрецов, он дал повод последователям его отождествлять Бога с принципом разума или с естеством природы. Таким образом, в конце концов это будто бы привело к тому, что последователи Конфуция отрицают существование духов, а при объяснении своего служения предкам они говорят, что это только внешняя форма, что это только способ выражения того сыновнего благочестия, которое они признают, и продолжение этого выражения благочестия тогда, когда родители ушли от детей. Таким заключениям, однако, противоречат слова самого Конфуция.

«Я требую, – говорит Конфуций в другом месте, только того, чего должно требовать от людей. Учение мое не что иное, как учение, которое преподали и оставили нам древние; к учению этому я ничего не прибавляю, ничего от него не отнимаю, но передаю его в первоначальной чистоте. Учение это неизменно – само небо автор его; я сам уподобляюсь тому земледельцу, который кладет зерна в землю и поливает ее, но который сам по себе не имеет силы заставить посев пустить ростки и принять формы растений иного рода».

Но обновляя древний закон, Конфуций имел, конечно, обширное поле для проявления своих индивидуальных воззрений. Буква завета темна, ее можно толковать и так, и иначе. Если философ придавал тому или другому тексту известный смысл, то это всего чаще должно было зависеть от его собственных убеждений, а последние вытекали из его коренного, общего мирозерцания, сложившегося на почве известных душевных качеств, под влиянием многообразно добытых сведений и жизненного опыта. «Неужели, – заметил

однажды Конфуций своему ученику, – ты думаешь, что я держу в памяти весь материал моей громадной учености? Нет, я все свел к одному принципу».

Что касается призвания своего, то Конфуций считал себя как бы посланником неба, как бы исполнителем небесной воли: «Нет более «Вэнь-вана», – говорил он, – не я ли только могу преподавать учение о пути? Если бы небу было угодно погубить учение, то продолжатели Вэнь-вана не имели бы возможности поддержать последнее».

Так же точно следует упомянуть о несправедливом и пристрастном отношении к Конфуцию его английского переводчика⁷ и нашего русского ученого Васильева относительно учения Конфуция об обязанностях человека к себе самому. Эти ученые свое неодобрение и несочувствие к Конфуцию объясняли между прочим тем, что он будто бы не придавал никакого значения взглядам человека на отношения к своей собственной нравственной природе, а главным образом останавливался на правительстве и на способах управления народом. При самом поверхностном чтении тех двух китайских классических книг, которые здесь прилагаются, читатель увидит, что это несправедливо и что как та, так и другая трактуют о законах духовной жизни каждого человека. Вот что между прочим говорит Конфуций.

Если в самом человеке заключается семя истинных познаний, то неужели семя это оставалось в человечестве (по крайней мере в Китае) непознанным до времен Конфуция? «Нет, – отвечает философ, – я (постоянно говорил он окружающим) не учу вас ничему, чего бы вы не могли знать сами, если бы правильно пользовались способностями своего разума. Нет ничего естественнее, ничего проще тех нравственных принципов, которые я вам внушаю. Все то, что я вам говорю, наши древние мудрецы раньше нас применяли на деле, и это применение, которое в века минувшие было общераспространенным, сводится, во-первых, к соблюдению трех основных законов отношений: между государем и подданными, между родителями и детьми, между мужем и женой; во-вторых, к исполнению пяти главнейших добродетелей: человеколюбия, справедливости, твердости относительно установленных обрядов, прямоты сердца, верности».

Но правда и то, что Конфуций вместе с этим постоянно трактовал о задачах управления народом. Китайская жизнь уложилась в такие устои, что это является вполне естественным. Как говорится в другом месте, китайское государство представляет собой совокупность нескольких королевств или провинций, группирующих несколько уездов, волостей; последние же состоят из семей. Семья управляется совершенно самостоятельно, как это ни странно может для нас звучать. У тайцев, при их почитании родителей и старших, старший в семье является естественным представителем семьи и в политическом отношении и первым управителем и администратором всех семейных дел.

Управление государством совершенно аналогично управлению семьей с той только разницей, что государство представляет собой гораздо большее сочетание единиц, чем семья. Говоря об обязанностях человека к человеку, Конфуций не мог не коснуться отношений семейных; коснувшись же последних, он не мог не сказать об отношениях государственных.

Отношение главы семьи к остальным ее членам совершенно подобно отношению главы государства ко всем подданным. Поэтому у Конфуция является учение об управлении

⁷ Мы приводили выше мнение английского ученого Легга и видели, как впоследствии он изменил свой взгляд. Совсем иначе о Конфуции думает француз Потье; он говорит: «Господь из толпы выдвигает людей избранных, которые просвещают, направляют толпу и преподают ей истины, необходимые к ее сохранению и благополучию. Эти люди всегда стояли на высоте своего призвания, и с тех пор как род человеческий брошен на эту землю, которую украшает своим присутствием и которая в свою очередь его кормит, самые существенные истины преподаны ему этими людьми. Только эти избранные знали и могли преподавать самые высшие полезные истины, имевшие благотворное влияние на общество, которое их восприняло, и доставившие ему самую большую сумму нравственных и физических удовольствий, к которым люди назначены самой природой. Мы полагаем, что Конфуций был из числа таких людей». – *Chine on description historique géographique et littéraire de ce vaste empire*, par M. J. Pauthier. 1-re partie, 1837, p. 121.

государством. Учение это настолько просто и ясно, настолько доступно пониманию всякого и настолько обязанности государя связаны с обязанностями главы семьи и каждого ее члена, что невозможно представить себе какой-нибудь исключительности этого учения. Оно необходимо для всех. Законы жизни одинаково обязательны как для высших, так и для низших, для управляющих и для управляемых, для царей и для подданных, только отношения между ними и основы для правильного течения жизни несколько иные. Так, например, «между отцом и сыном должна быть любовь, между государем и министром должна быть праведность, между мужем и женой – внимание к их отдельным обязанностям, между стариком и молодым – порядок, между друзьями – верность», – говорит Менций.

И Конфуций постоянно старается указать людям на то, как можно бесшумно и правильно регулировать механизм семьи в тесном смысле и семьи в обширном смысле – государства, и какие условия для этого должны быть соблюдаемы. «Человек, – говорил он, – является представителем небес на земле, он высшее существо. Женщина повинуется наставлениям мужчины и помогает ему выполнить предначертания неба. Поэтому она не может ничего от себя определять, а подчинена трем правилам повиновения: когда она молода, она должна повиноваться своему отцу и старшему брату; когда она замужем, она должна повиноваться своему супругу, а когда супруг умер, она должна повиноваться его сыну. Она не должна думать о том, чтобы выйти замуж во второй раз. Никакие наставления или приказания не должны исходить от нее. Дело женщины – это хозяйственные заботы. Она не должна знать ничего за пределами своего хозяйства. Она не должна переходить границ государства». Дальше Конфуций определяет женщин, которых не следует брать замуж, основания для развода и т. п. Все это, разумеется, отнюдь не звучит для нас чем-то передовым, но если мы всмотримся в другую сторону учения Конфуция: об управлении собой и об управлении другими людьми, то мы поймем, что даже и такая ретроградность во взглядах на женский вопрос не является чем-нибудь опасным для китайца. Цзи Чжан спрашивал по поводу управления (государством), и Конфуций отвечал: «Управлять – значит выправлять».

Но помимо религиозной жизни, которая, как мы старались показать выше, вовсе уже не стоит на такой низкой ступени, как у нас сложилось представление, общественные и экономические отношения китайцев находятся на высокой ступени развития.

Что касается формы государственного правления в Китае, то она совершенно отлична от тех форм, к которым мы привыкли в западноевропейской практике. Описание ее может вызвать улыбку недоверия, так как она слишком отлична от наших форм. Но тем не менее описания разных лиц, посетивших Китай и ознакомившихся с его правлением, более или менее сходятся в этом отношении. Это следует сказать по крайней мере про Симона, Георгиевского, Смита⁸, французских миссионеров и т. д.⁹. У китайцев нет того, что мы разумеем под центральным управлением. Во главе правительства стоит император, богдыхан, но власть его номинальна: он не располагает военной силой, которая дала бы ему возможность подчинить страну его воле.

В этой стране, по их заявлению, существует полная свобода слова и печати, причем всякий может быть открытым ценителем мероприятий и видов правительства; полная свобода веры, дающая возможность каждому гражданину по своему произволу принимать христианство, буддизм, магометанство или другую какую религию; в этой стране ассоциации и всякого рода артели достигли такого разнообразия, о котором в Европе не имеют еще

⁸ Smith A. Village in China. London, 1900.

⁹ Здесь уместно будет отметить общую в этом отношении черту народов крайнего Востока, за исключением Японии. Из обстоятельной, прекрасной книги английского офицера Филдинга, описывающей бирманский народ, оказывается, что в Бирме характер правления такой же, как и в соседнем с ней Китае (книга издана. «Посредником» под названием «Душа одного народа»).

и понятия; банковские операции развиты настолько, что правительство нашло более удобным отказаться от своей монополии выпускать бумажные деньги и монету из драгоценных металлов.

Милитаризм в том смысле, как это понимается у нас, в Европе, уже давно исчез в Китае, и китайцы более всего отличаются чувством законности. Издавая тот или другой закон, император может надеяться провести его в отдаленных провинциях только в силу нравственного давления; в противном случае закон этот игнорируется населением. И не было случая, чтобы правитель или народ пожалели о такой замене грубой силы нравственным воздействием. Новые законы обыкновенно пробуются в какой-нибудь одной провинции и, если там они признаны подходящими, вводятся везде.

Такая организация правления ведет за собой соединение деспотизма с удивительной, недоступной даже западноевропейским учреждениям, свободой. Власть монарха распространяется только на очень ограниченный круг, и то же самое следует сказать и про власть его представителей в провинциях: вице-королей и прочих чиновников. Но это же самое, в свою очередь, в значительной степени развивает в китайцах чувство законности. Вот что говорит, например, о китайцах путешественник Смит: «Китайское правительство, имея удивительную устойчивость, обнаруживает в то же время полную слабость тогда, когда именно требуется его сила, когда требуется проявить свое значение и власть сразу и неожиданно».

Такой строй государственной жизни страны не является каким-нибудь случайным явлением в последний период времени, он имеет за собой историю более тысячи лет.

Задолго до того, как началась проповедь христианства, император Шунь, слава которого пережила многие народы и империи, собрал совет нотаблей и объявил им, что какими бы высокими умственными и нравственными достоинствами ни был одарен человек, он один не может хорошо управлять большой империей, и ему необходима помощь честных и мудрых людей; поэтому он предложил им избрать двенадцать таких помощников и, когда они были избраны, назначил их в дальние провинции, недоступные его влиянию; с той поры вице-короли и губернаторы получили значение почти самостоятельных правителей. Свою власть они получают от императора, но пользуются ею по своему личному пониманию и в соответствии с различными условиями.

И поныне власть главы государства над вице-королями исключительно нравственная; лично он не может принудить их исполнять его волю, и их оппозиция часто остается безнаказанной.

Только зная это, и можно понять, почему китайское правительство является часто беспомощным в своих внешних сношениях и в исполнении некоторых требований иностранцев. (...) Вице-короли провинций считают часто излишним получать согласие императора на свои административные мероприятия, чеканят свою собственную монету, проводят каналы, строят железные дороги и созывают и распускают войско, не справляясь с мнением императора.

Общественное мнение является гораздо более действенным орудием в Китае, чем в Европе, и повлиять на это мнение в Китае гораздо легче, чем у нас. Оно составляет там исключительно нравственную силу. Одного китайца, который был два раза подвергнут тяжелому телесному наказанию за кражу, но все-таки не исправился, приговорили в третий раз к телесному наказанию, но когда и это не подействовало, его присудили к отправке на родину, где он должен был стоять по часу в течение трех дней, имея на спине надпись, в которой было изложено, в чем заключалось его преступление. Тогда неисправимый преступник стал умолять, чтобы его подвергнули телесному наказанию или заключили в тюрьму, но не позорили бы навсегда. Он был готов на все, что угодно, только не подвергаться общественному осуждению. Во всех обыкновенных случаях эта узда общественного мнения, в силу религии, воспитания и обычая, оказывается достаточной.

Китайский народ настолько усвоил начала своей политической организации, что его полное повиновение достигается уже одним только знаком власти. Достаточно одного, даже вовсе не строгого чиновника, чтобы держать в подчинении тысячи китайцев.

Население каждой деревни само ведет свои общественные дела, само взимает налоги, входит в соглашение с соседями о содержании дорог и каналов, и вообще пользуется в местном самоуправлении гораздо большей свободой, чем германцы, французы и итальянцы. Члены цеха протягивают руку помощи своим несчастным или честолюбивым собратьям и одалживают друг друга средствами с такой готовностью, которая показалась бы европейцу полной неосмотрительностью. При этом они доверяют гораздо более честности товарища, чем его расписке. Сплошь и рядом можно встретить такие примеры, что один член цеха отдает весь свой заработок другому, чтобы дать ему возможность выполнить заключенный им договор. Сумма, которая дается таким образом в долг, достигает иногда трех-четырёх тысяч рублей и представляет целое состояние для человека из рабочего класса. Ни кредитор не требует расписки, ни должник не выдает ее. Тем не менее долг уплачивается и притом без процентов. Доныне цехи вообще употребляли свою власть на пользу своих членов, которая резко расходится с общей пользой, так как для цеха весьма важно иметь на своей стороне общественное мнение.

В китайском обществе существуют только две категории людей: образованных и необразованных; сыну честных родителей открыты все дороги, и, если только судьба не слишком обидела его своими дарами, он не лишен возможности достигнуть даже звания мандарина. Для какого-нибудь бедняка китайца гораздо легче сделаться посланником, чем такому же простому человеку в Европе проложить себе дорогу в дипломатический корпус.

Высшие добродетели далеко не чужды китайцам. Случаи самопожертвования в Китае менее заметны потому, что они как явления заурадные не останавливают там на себе ничего внимания, никого не удивляют и ни в ком не возбуждают восторга; там же, где подобные случаи являются исключением, люди объясняют их иными, особыми мотивами. Добрый сын жертвует за отца своей жизнью, не колеблясь и не рисуясь, даже тогда, когда это самопожертвование влечет за собой самые ужасные физические муки. Очень часто встречаются случаи, когда место преступника, приговоренного к смерти, заступает другой человек единственно ради того только, чтобы получить несколько сот рублей и завещать их своим погибающим от нищеты родственникам; большинство таких случаев остается неизвестными. Множество хорошо воспитанных девушек из семей, впадших в нищету, покидают свою семью с затаенным в глубине души отчаянием, отказываются от всех своих надежд в жизни и, чтобы спасти мать от голодной смерти, продают себя в самое ужасное рабство нашего времени и делаются жертвами проституции. Народ, способный на такой героизм, не может быть заклеямен словом «безнравственный», как у нас и в европейской печати нередко выражаются. Во всем том, что предписывается этикой, как вежливость, благовоспитанность, такт, во всем том, что требуется общественным приличием, китайцы не имеют себе равных. Они следуют словам своего великого учителя: «Работайте много и употребляйте немного пищи. Считайте и пустяки стоящими вашего внимания. То, что кажется вам не имеющим никакого значения, может оказаться самым важным. Будьте всегда сдержанны и в ваших удовольствиях, и в ваших страданиях. Таким путем вы достигнете душевной гармонии».

Последняя война с Китаем, надеемся, кроме того ужаса, который несет с собой всякая война, принесет с собой и такие сведения о Китае, которые заставили бы нас устыдиться нашего невежества. То, что проникает в прессу, позволяет это предугадать. Вот, между прочим, что говорят русский солдат и генерал, вернувшись из Китая.

«Китайцы, – говорит солдат, – как нам показалось, это те же люди, которые жили в раю: они добры, ласковы, не сердятся, не обманывают, никого не обижают и всегда довольны... –

А затем он чистосердечно прибавил: «А наш брат, коли правду сказать, не по-христиански с ними поступал, много грехов на душу взял».

Генерал же дал такую характеристику Китая и китайцев:

«После двух лет, которые я провел между китайцами, меня мучит все один и тот же вопрос: пойдем ли мы все то, что я так ясно и несомненно понял, что в Китай надо европейцу ездить не воевать, а учиться понимать, что такое государственная сила, что такое религия в жизни, что такое культура, что такое народное образование, что такое труд, что такое народное благосостояние, что такое нравственность, исходящая из веры в Бога, что такое семья, что такое честность, что такое уважение к собственности и что такое в этой стране мандаринов свобода и равенство. В этой стране одинаково нет места и дела европейскому солдату как эмблеме завоевания, европейскому цивилизатору как эмблеме разрушения. Правда, там нет железных дорог, нет ватерклозетов, нет техники цивилизации, но зато там земля дает урожай сам сто двадцать и бедняк получает, проходя по улице, обед из супа, мясных блюд, овощей и сладостей за четыре копейки».

Генерал высказал еще следующее: «Правда, что китайцы неохотно дерутся и предпочитают сдаваться, чем драться, предпочитают принимать войска гостями, чем врагами, но на этом долго усыпляться, Боже сохрани. В день, когда этот, проникнутый бесстрашием, мудростью, верой, народ поймет, что вся его военная слабость происходит от отсутствия офицеров и он их получит, тогда Китай будет небывалым в мире по силе колоссом. Если мы хотим избежать страшных для нас бедствий на азиатском Востоке, мы должны все усилия своей воли, своего разума и своего сердца направить к тому, чтобы каждый русский там внушал к себе любовь китайца; русский может этого достигнуть, европеец – никогда; в этом наше неизмеримое преимущество перед англичанами и немцами. Но, увы, все, что случилось... было плохим для нас началом: ненависть к европейцам, брошенная ими закваскою в жизнь Китая, пала и на нашу долю. И горе нам, если мы не приложим усилий и гигантских усилий, чтобы ее искоренить как можно скорее».

Жизнь Конфуция Составлена по Леггу

Предки Конфуция

Китайцы очень гордятся древностью своего рода вообще, что вполне понятно, как это было указано раньше, – ввиду культа предков. Естественно поэтому, что и предки Конфуция могут быть прослежены не только в течение веков, но десятков столетий.

Здесь мы должны заметить, что Конфуций – это латинизированное имя мудреца, на самом же деле звали его Кун Фу-цзы, то есть учитель Кун.

В царствование Гуан Сюя, двадцать одно столетие с половиной после смерти мудреца, потомки Конфуция насчитывали одиннадцать тысяч мужчин. Но предки их произошли еще столько же столетий назад до Конфуция, насколько можно судить из генеалогических таблиц, по которым предков Конфуция можно проследить еще от Хуанди, изобретателя круга в 2637 году до н. э.¹⁰

Более скромные писатели, однако, довольствуются указанием на предков Конфуция к началу династии Чжоу в 1121 году до н. э. Между родственниками тирана Чжоу, последнего императора из династия Инь, был старший брат его от наложницы по имени Цзи, который прославлен Конфуцием в «Разговорах» (18:2) под титулом графа Бери. Предвидя неизбежную гибель своего семейства, Цзи убежал из дворца и впоследствии был назначен императором Чэном, вторым из дома Чжоу, вице-королем в провинцию Сун. Цзи как герцогу провинции Сун наследовал младший брат, от которого и дальше нисходила линия. Его внуку, герцогу Мину, наследовал в 908 году до н. э. младший его брат, оставивший двух сыновей Фухэ и Фан Цзи. Фухэ отказался от своих прав на престол в пользу Фан Цзи, который казнил своего дядю в 893 году и стал правителем всей империи. Он известен как герцог Ли, а его старшему брату Фухэ принадлежит честь иметь мудреца в своем потомстве.

Потомками Фухэ были Чжэн-Каофу, знаменитый впоследствии чиновник У и Сюань (799–728 годы до н. э.). Чжэн до сих пор славится за свою скромность и за свои литературные таланты. Мы имеем сведения о нем как о великом историографе государства, исследователе древней поэзии и таким образом подавшем пример трудиться в том направлении, в каком трудился и сам Конфуций. От Чжэн Као родился Кун Фуцзи, от которого и явилась фамилия Кун. Прошло пять поколений, в течение которых герцогство принадлежало прямой линии этого потомства, и, согласно правилам, в таких случаях должна прерываться герцогская нить и герцогство переходило кому-нибудь из народа под другой фамилией. Кун Цзи был master of thihores в Суне и известным по своей преданности и честности чиновником. К его несчастью, однако, у него была удивительной красоты жена, в которую влюбился главный министр государства по имени Хуа Ду. Решив овладеть ею, он пустил в ход интриги, окончившиеся в 709 году до н. э. убийством Цзи и воцарением герцога Шан. Тотчас же Ду завладел женой Цзи и поспешил в своей дворец с драгоценной добычей, но по дороге она задушила себя своим ожерельем.

Таким образом началась вражда между двумя семьями Кун и Хуа, которую не сгладило время, и так как род Хуа был более могущественным, то правнук Цзи ушел в государство Лу, чтобы избежать преследований. Здесь он был назначен комендантом города Фан и известен

¹⁰ См. *Memoires concernant les chinois*, т. 12, с. 447. Отец Ammiot утверждает (с. 501), что он видел в таблицах Цзн Лу в 1744 году до н. э. одного из представителей этого семейства, который носил название герцога.

в истории под именем Фан Шу. У Фан Шу родился Бо Ся, а от него произошел Шу Лянхэ, отец Конфуция. Лянхэ прославлен историей того времени как мужественный и благородный воин. В 562 году до н. э., находясь при осаде места, называемого Би Ян, как только партия нападающих прорвалась внутрь тотчас же была спущена ограда. Лянхэ, уцепившись руками за массивную дверь, удерживал ее, сколько позволяла его страшная сила, до тех пор, пока друзья его убежали.

Вот что известно о предках мудреца. Китайские историографы, как мы видели, подобно описаниям происхождения мудрецов у других народов, стараются показать и древность и знатность рода своего мудреца.

От рождения Конфуция до занятия им первой общественной должности (551–531 годы до н. э.)

Конфуций родился тогда, когда отец его Шу Лянхэ был уже стариком. Отец его, будучи солдатом, женился рано, но жена рожала ему только дочерей – девять дочерей и ни одного сына. От наложницы у него был сын по имени Бо Ни (Мэн Пи), горбун. Когда ему было уже семьдесят с лишком лет, он стал искать другую жену из рода Янь, от которой впоследствии родился Янь Хай, любимый ученик его сына. В семье Янь было три дочери, младшую из которых звали Янь Чжи. Янь однажды говорит им: «Я знаю Лянхэ, коменданта Цзоу. Отец и дед его были только учеными, но предки его до них происходили от мудрых императоров. Это человек десяти футов роста и необычайной силы, и я бы очень желал породниться с ним. Хотя он стар и серьезен, вы не должны отклонять его. Которая из вас трех будет его женой?» Две старшие дочери молчали, а Янь Чжи сказала: «Зачем ты спрашиваешь нас, отец? Это тебе надо решать». «Хорошо, – сказал отец в ответ ей, – ты будешь его женой». Янь Чжи сделалась поэтому женою Лянхэ и родила Конфуция, которому дали имя Цю, а прозывали Чжун Ни.

Событие это произошло в 21-й день 10-го месяца, на 21-м году правления герцога Сина из Лу, то есть на 20-м году царствования императора Лина, или в 551 году до н. э.¹¹

Место рождения было в округе Цзоу, где Лянхэ был губернатором. Но честь месторождения Конфуция оспаривается двумя местами в двух разных частях этого округа.

Материал, который мы имеем о ранних годах жизни Конфуция, очень скуден. На третьем году его жизни умер отец. О Конфуции рассказывается, что когда он был мальчиком, то обыкновенно играл в разные священные действия и представлял всевозможные церемонии. О школьной его жизни мы не имеем сведений, которым можно было доверять. Сам он говорит о себе, что в пятнадцать лет ум его стал склоняться к учению¹², но семья его находилась в бедности. Впоследствии, когда люди удивлялись разнообразию его познаний, он объяснял это, говоря: «Когда я был молод, положение мое было низким, и поэтому я старался изощрять свои способности во многом, но все это были пустяки»¹³.

Когда ему было 19 лет, то он женился на девушке из государства Сун. В следующем году у него родился сын Ли. По случаю этого события герцог Чжао прислал ему в подарок пару карпов. Этим он показывал свое благоволение, почему сын Конфуция и был назван Ли, то есть карп. Впоследствии отец дал ему кличку Бо Юй, то есть первая рыба. О рождении других детей его нигде не упоминается, хотя мы знаем из «Разговоров» (5:1), что он имел по крайней мере одну дочь. То, что герцог Лу послал ему подарок по случаю рождения Ли, указывает, что он и тогда уже занимал известное общественное положение и пользовался известным уважением.

Вероятно, через год после своей женитьбы Конфуций занял первую общественную должность как хранитель зерновых магазинов, а в следующем году ему было поручено управление общественными полями и имуществом. Менций (Мэн-цзы) говорит об этом периоде, что служба Конфуция поясняла учение его о том, что высший человек иногда может занимать должность ввиду своей бедности, но в таких случаях он должен стараться занимать должности низкие и не стремиться ни к чему иному, как только к скромному испол-

¹¹ Сыма Цянь говорит, что Конфуций родился на 22-м году герцогства Сун, в 550 году до н. э. С ним согласен также и Чжу Си в своем маленьком сочинении о жизни Конфуция, приложенном к Луунью-юй. Соглашаются с этим также и хроники государства, изданные в царствование Цзи-гуна.

¹² «Разговоры», 2: 4.

¹³ «Разговоры», 9: 6.

нению своих обязанностей. Согласно этому, Конфуций как смотритель магазина говорил: «Мои расчеты должны быть правильны, потому что ни о чем ином я больше и не забочусь». И когда он был управителем общественных полей, то говорил: «Быки и овцы должны быть сильны и жирны, и лучше других, потому что у меня нет ничего другого, о чем бы я заботился»¹⁴. Отсюда нельзя видеть, занимал ли эти должности Конфуций как государственные или же служил по найму у рода Цзи, в пределах юрисдикции которого он жил. Но подарок карпа герцогом заставляет предполагать первое.

¹⁴ Менций, 5, ч. 2, 5, 4.

Начало трудов Конфуция как учителя. Смерть его матери (530–526 годы до н. э.)

На 22-м году Конфуций выступил на учительском поприще. Дом его сделался убежищем для молодых пытливых умов, которые желали постигнуть учение древности. Как бы мала ни была плата, которую могли предложить ему ученики, он никогда не отказывал им в учении¹⁵. Все, чего он требовал, это горячее желание к совершенствованию и некоторая доля способностей. «Я не открываю истины, – сказал он, – тому, кто не жаждет приобрести знания, и не помогаю тому, кто не ищет понять самого себя. Когда я открою одну часть предмета кому-нибудь и он не может из этого понять трех остальных частей, то я не повторяю моего урока¹⁶.

Мать его умерла в 528 году до н. э., и он решил, что тело ее должно лежать в том же самом месте, где был похоронен его отец, и что их общее место успокоения должно быть в Фане, первом жилище Куна в Лу. Но тут-то и явилось затруднение: гробница его отца была уже двадцать лет у дороги Пяти Отцов, по соседству Цзоу; можно ли было перенести прах? Его облегчила в этом затруднении одна старуха по соседству, сказав ему, что гроб был положен в землю, как во временную обитель, а не погребен как следует. Узнав об этом, он выполнил свое намерение. Оба гроба были перенесены в Фан и положены в землю вместе без всякого промежутка между ними, что было обычаем в некоторых китайских королевствах.

Конфуций носил траур по своей матери согласно обычаю – три года, хотя этот период обыкновенно не соблюдался, на самом же деле носили двадцать семь месяцев. Спустя пять дней после окончания траура, он заиграл на флейте, но не мог петь. И лишь еще через пять дней он мог играть и петь.

¹⁵ «Разговоры», 7: 7.

¹⁶ «Разговоры», 7: 8.

Конфуций изучает музыку, посещает двор Чжоу и возвращается в Лу (526–517 годы до н. э.)

Когда траур по матери был окончен, Конфуций жил в Лу, но что он там делал – неизвестно. Вероятно, он продолжал поддерживать разных изыскателей, которых он раньше поощрил производить исследования по истории литературы и по изучению организации государства. В 524 году до н. э. глава небольшого государства Тань явился при дворе в Лу и на обеде, данном ему герцогом, произнес замечательную речь, в которой он обнаружил превосходное знание истории и древних порядков управления народом. В провинции Тань особенно почитали императора Чжао-хоу, ближайшего потомка Хуанди, и глава этого государства искренне думал, что знал все о том предмете, о котором шла речь. Конфуций, услышав об этом, дождался посетителя и разузнал от него все, что тот мог сообщить¹⁷.

К 523 году до н. э. – когда Конфуцию было 29 лет, относится рассказ об изучении им музыки у знаменитого Ши Сяна. Когда ему исполнился уже 30-й год, он, как сам рассказывает нам, «стоял твердо»¹⁸, то есть был тверд в своих убеждениях относительно тех предметов, которые он изучал и к которым ум его склонен был уже пятнадцать лет перед этим. Однако протекло еще пять лет, пока положение его как ученого и проповедника стало определенным, хотя по некоторым источникам можно догадаться, что все это время уважение и внимание к нему мыслящих людей и его родного государства все более и более возрастали.

¹⁷ Некоторые считают все это апокрифическим. Создатели легенд выдумали путешествие в Тань. Малейшее историческое указание для них делается уже поводом, чтобы усилить славу своего мудреца. Ammiot перевел некоторые из их рассказов, а другие авторы, как Потье и Торнтон, последовали за ним.

¹⁸ «Разговоры», 24: 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.